

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ

Куда оно делось?

Как-то Саша Розенбойм вдруг спрашивает меня: "Валя, а что это такое — фильдеперсовые и фильдекосовые чулки? Так часто упоминаются в литературе, и в нашем детстве — помнишь? — еще были живы эти названия. Откуда эти названия, чем эти чулки отличались друг от друга?". Сашин вопрос меня застал врасплох.

— Я помню, что одни были плотнее, другие тоньше. А названия... Ну, фильдеперсовые, понятно, в переводе — персидская нить, а фильдекосовые... филь-де-кос?... В античности были знаменитые тончайшие косские ткани, с острова Кос, многократно упоминаемые в эллинической литературе. Может, от них?..

Мне самой мое предположение показалось неубедительным. Но, как всегда в разговоре с Розенбоймом, сразу посыпались наши постоянные "а помнишь?".

— Помнишь флаконы с одеколоном в виде виноградной грозди?! Так хотелось подарить маме!

О самых дорогих подарочных коробках, обтянутых красным шелком, в которых лежали духи, одеколон и коробочки с пудрой — "Красная Москва", мы и мечтать не могли. (Розенбойм удивляется исчезновению рассыпчатой пудры, неужели осталась только прессованная?)

Далее следуют вопросы, чем отличались крепдешин и креп-жоржет, креп-сатин и фай-де-шин, маркизет и батист, бостон и шевиот. Можно продолжать...

Я тут же задала вопрос на засыпку: — Саша, а что такое пеклеванный хлеб? Сразу после войны, еще не были отменены хлебные карточки, мы с мамой ходили на Привоз, где продавали буханку белого хлеба невероятно дорого для нас — за сто рублей. Такие покупки были крайне редкими. Мама присматривалась к такой буханке и говорила: "Это не белый, это пеклеванный". Иногда папа покупал хлеб, а мама его корила — это же пеклеванный!

Говорят, что дети задают много вопросов. Почему-то я редко задавала вопросы, касающиеся бытовых деталей жизни, о чем теперь жалею. Розенбойм тоже не знал, что такое пеклеванный хлеб, что не помещало нам в тот вечер продолжить наши "а помнишь?".

Но что-то меня задело в этих наших перекрестных вопросах и через какое-то время, заглянув в поисковик (слава Интернету!), выяснила, что фильдекосовые — от *филь д'Экосс*, то есть — шотландская нить. Как я не догадалась! Полонез, экосез — польский, шотландский танцы... И фильдеперсовые — из шелковистой пряжи, а фильдекосовые — более плотные, из хлопчатобумажной, казавшейся шелковистой.

Мне кажется, что еще после войны дамы носили эти чулки, сохранившиеся если не с дореволюционных лет, то со времен нэпа точно! А может, их вытаскивали по сохранившимся технологиям и после войны?

В эти первые послевоенные годы особенно ценились шелковые тончайшие чулки "паутинка", которые и надевались "на выход". И все дамские чулки непременно имели "стрелку", шов, который подчеркивал стройность ног.

Пушкинское огорчение "вряд найдете вы в России целой три пары стройных женских ног" одесситок, к счастью, не касалось.

За "стрелкой" нужно было следить, чтобы, не дай Бог, не сползла в сторону.

Мы уже оканчивали школу. Одна из учительниц-модниц поднималась по лестнице, я шла следом и увидела на ней тонкие чулки без шва. Боже, какими безобразными они мне показались! Ноги нашей модницы, казалось, утратили стройность, которой она справедливо гордилась. Ноги казались голыми. Ужас!

Девочки же все свое детство ходили в "бумажных" (так в Одессе назы-

вались хлопчатобумажные) чулках "в резинку". У каждой мамы всегда был запас специальных ниток для штопки и деревянный грибок, на который натягивался чулок с дыркой на пятке. И чулками не разбрасывались. Колготок и в помине еще не было.

Сапожники шили "модельные" туфли с тупым носком, на увесистых каблуках, цвета кафе-о-ле, в Одессе так и говорили: туфли "кофе с молоком", а то и просто — "кафейные"! На каждый день считались лучшими "лосевые" туфли на плоском низком каблучке, напоминающие тапочки.

...Мама была права — пеклеванный хлеб из ржаной муки особого помола. В отличие от пшеничного, за который его выдавали, был сероватым и действительно отличался по вкусу от настоящего "белого" хлеба.

...Безногие инвалиды у Привоза, разбивавшие ребром ладони булыжник, собирали толпу зевак. Разбитый булыжник проверяли — настоящий! Бросали деньги в шапку.

Угольные склады — в нашем районе на Канатной угол Новорыбной. Уголь на зиму хранили в дворовых сараях. Покупали загодя, осенью, на тачках привозили, высыпали у ворот, потом ведрами переносили в сарай. Все стремились купить поблескивавший антрацит. С сероватым налетом, а тем более угольная пыль (и ее продавали), горели очень плохо. Зимы бывали очень снежными, с огромными сугробами. Золотой из печек покрывали дорожки во дворах и тротуары. Гололедов, которые так часты теперь в Одессе, не помню. Дровами тоже запасались на зиму, хоть зимой вокруг Привоза продавались маленькие вязанки распиленных на бруски дров, обмотанных проволокой, всегда одного объема, можно было нести домой, держа за эту проволоку, можно в авоське — помещались.

За керосином для примусов и ламп мы ходили в лавку на Ремесленную, между Малой и Большой Арнаутскими. Часто керосина в лавке не было, но продавцы обещали — скоро привезут. Ходили с жестянками литров на десять, очереди были огромными — за время стояния можно было прочитать книгу, конечно, не "Войну и мир". Господи, кажется, все детство проведено в очередях — за хлебом, за мукой, в кино, в баню, наконец!

Продавец не доливал в литровую кружку "на большой палец". К тому же, под сильной струей керосин пенился. Отсюда, рассказывает Розенбойм, и пошло — жить "на большой палец".

Многие предпочитали керосиновым карбидные лампы с их ярким белым светом. Но запах карбида был невыносим. Нет, уж лучше ставший привычным запах керосиновой лампы с ее уютным желтым светом!

...В первые послевоенные годы — металлические зажимы на пионерских галстуках вместо узла, появившегося позже. В центре был изображен костер с тремя алыми языками пламени — "взвейтесь кострами, синие ночи!".

Почему-то из всех послевоенных денег запомнились "тридцатки" — желтовато-красного цвета. Может, потому что больше купюр такого странного номинала больше никогда не было?

В разговоре с Сергеем Зеноновичем Лушиком упоминаю аптеку и уточняю — на углу Еврейской и Преображенской. "А, — отвечает мой собеседник — на Жмеринке!" — "Какой еще Жмеринке?!" — "А ты что, не знаешь, что когда-то Тираспольскую площадь с округой называли Жмеринкой, — количество

пересадок с трамвая на трамвай позволяло ее сравнить с известной узловой станцией!" Жмеринка! Кого ни спрашивала, никто не знает. Один Сергей Зенонович помнит!

Новорыбная, Чижикова, Пантелеймоновская после войны недолго называлась улицей Потемкинцев. Кого ни спрошу — никто не помнит. Спасибо Я. Майстровому — в его книге "Улицы Одессы" нашла подтверждение моей памяти. Я шла в школу на Французский бульвар, читала названия улиц на жестяных, выкрашенных голубой краской прямоугольничках с номерами домов. Хоть дома улицы называли по-старому — Новорыбная, — но благодаря В. Катаеву название "Потемкинцы" было понятно.

Задирая голову вверх, рассматривая балконы, причудливые рельефы, скульптуру, карнизы, вывески, однажды увидела, что на нашей улице (на моей памяти она была ул. Вайсмана, Институтской, Иностранной коллегии, вновь стала Гимназической) угол Чижикова сохранилась над окном второго этажа дореволюционная табличка "улица Гимназическая".

На противоположном углу был двор, где стояли лошади и куда въезжали подводы, набитые сеном арбы, плоские, без бортов "площадки". Возможно, там можно было увидеть еще биндюги, которые стояли когда-то во дворе Менделя Крика или Любки Шнейвейс на углу Балковской и Дальнической. Как знать?! Гужевой "паркинг".

Завод имени Андре Марти в Одессе называли просто "завод Марти", говорили — "работает на Марти". Недавно на одном из одесских телеканалов из уст ведущей услышала "завод имени Хосе Марти". Девушка явно хотела щегольнуть своей осведомленностью в одесской истории. Марти — слышала, но какой Марти?! Наверняка — Хосе. Уже то, что имя кубинца Хосе Марти знает, в наши дни немало, откуда ей знать о французском коммунисте Андре Марти, — "По ком звонит колокол" читать, что ли?..

Как часто менялась топонимика Одессы! Хоть были, были названия, как-то тихо оставшиеся неизменными, — Новый базар, Староконный (кажется, не менялся). К новым названиям привыкали, хоть мы любили произносить старые одесские названия — такое проявление "одесскости". Но я хочу увидеть хоть одного человека, который бы сам сказал или от кого-нибудь услышал, даже от приезжего: "Я был (купил, видел...) на "Октябрьском рынке"! Сколько лет висела над входом на Привоз вывеска — "Октябрьский рынок"! Никто на нее не купился!

На Привозе раздаются шум и тарарам: кто-то в дядьки постарался вычистить карман! "Ой, рятуйте, граждане хорошие, все с кармана вытянули гроши!" "Не будь такой раззява!

Держися за карман, а не смотри ты в небо на аэроплан!" (Народное.)

Уже в пятидесятые, когда появились "стиляги", нечетную сторону Дерибасовской называли Бродвеем. Фешенебельными считались кварталы от Екатерининской до Преображенской, до Центрального гастронома. Здесь фланировала "золотая молодежь". Королем же этого одесского Бродвея был стильяга по имени Тарзан. По-моему, никто его настоящего имени не знал. Высокий парень, он нес себя по "Бродвею", возвышаясь над толпой, а за ним шлейфом неслось восхищенное: "Тарза-а-а!".

Другая, четная, сторона Дерибасовской считалась провинциальной. Обитатели "Бродвея" ее называли Галкин-штрассе, пренебрежительно относились к гулявшим по

ней от дома Вагнера до Горсада простым смертным — "жалкие, ничтожные личности"!

От приезжих можно было услышать: "А как дойти до площади Октябрьской революции?" — "До Куликовского поля? — Вот так!" — взмах рукой — от вокзала к конечной остановке 18-го трамвая.

После войны на Куликовом поле, в той его стороне, что окаймлена Пироговской и Среднефонтанской, было военное кладбище, могилы воинов, погибших при освобождении Одессы. Скромные небольшие мраморные плиты с именами, званиями лежали на холмиках с высаженными на них травкой, аютиными глазами, маргаритками.

Когда в конце пятидесятых было начато строительство обкома, чуть ли не в одну ночь кладбище исчезло. Официально объявили о переносах — на Второе кладбище и на Аллею Славы. Памятник Неизвестному матросу и обком возникли в одно и то же время.

Люди, никогда не верившие властям, сомневались, что прах всех людей перезахоронен, и хоть тихо, но говорили: "Строят на костях".

Милиционеры носили синюю суконную форму — китель и галифе, окантованные красной тесьмой. На некоторых углах, в частности, у нас на Канатной и Б. Арнаутской, появились на возвышении тумбы со стеклом для милиционеров. Мне кажется, что появлялись тумбы на оживленных по тем временам перекрестках — по Канатной ходил 23-й трамвай, а по Большой Арнаутской второй, а потом и третий троллейбус. Движение было двухсторонним. По-моему, в этих стеклянных будках были ручные переключатели светофоров. Когда появились автоматическое переключение, будки исчезли. Теперь, когда я их вспоминаю, милиционеры мне кажутся похожими на столпиков на древнерусских иконах. В Одессе же тогда милиционеров за стеклом называли — "рыбка в аквариуме".

Недавно окончившаяся война постоянно напоминала о себе — инвалидами, нищими, беспризорниками, пулями и осколками, которые мальчишки находили в развалках, зажигалками, сделанными из патронных гильз...

У нас в доме обычно не водился сахар-песок. Только колотый сахар (быстро таящего рафинада не было!), необыкновенно твердый, похожий на мрамор. Крупные его куски кололи специальными щипчиками. Родители пили чай вприкуску, говорили, что сладкий чай не любят. Наверное, это было правдой, но не всей. Думаю, они маленький кусочек сахара растягивали на стакан чая, чтобы оставить нам побольше.

В "коммерческих" магазинах (мы редко там бывали) — цены были астрономическими) продавались "сахарные головы", укутанные в папирусную бумагу лилового или синего цвета.

Весна начиналась со школьных каникул. Почему-то именно к ним утихали холодные мартовские ветры. Сбрасывались тяжелые зимние пальто, галоши с ботинок, фланелевые (в Одессе говорили — байковые) шаровары, которые зимой под школьной формой носили многие девочки. Приходил апрель с вербными ветками, которыми в Вербную субботу мальчишки хлестали по голым девчоночьим ногам. Обычно было уже так тепло, что вместо чулок можно было надевать носочки.

Потом наступала еврейская Пасха, и во дворах был слышен легкий хруст мацы, которую ели вне зависимости от конфессиональной принадлежности. Потом приходил черед православной Пасхи — дней через десять. Раздавалось нежное цоканье яичной скорлупы и запах куличей — в Одессе всегда говори-

ли — "пасок". А там — и майские дни. Улицы, перегороженные грузовиками, — первомайский парад и демонстрация. Флаги, портреты передовиков, транспаранты, веночки из цветной бумаги — одним словом, "утро красит нежным цветом".

И маевки. Семьями — с детьми и внуками, молодые — своими компаниями (в складчину!) — в Аркадию, на Фонтан, на Ланжерон — с пирожками с повидлом, с картошкой и тьюлгой, с компотом и ситро, с вином и пивом. Уже можно было купаться в море (нетерпеливые начинали сезон в апреле), наслаждаться солнышком, наломать сирени. Рабочая неделя была шестидневной, праздничных выходных дней было мало, и эти два майских дня были настоящей благодатью!

С ранней весны до поздней осени одесские двory напоминали часто палаточные городки или парусные регаты. На четырех палках, связанных по углам, усеянных вдоль мелкими гвоздиками, натягивались, сушились белые занавеси. На каждый гвоздик натягивался "зубчик" занавеси. Как легкие пластины, их подвешивали к оконным карнизам. И никаких складок и драпировок!

С середины августа начиналась подготовка к школе. Выдаваемых (продаваемых?) в школе учебников всегда не хватало. За недостающими — отправлялись в Колодезский переулок. Под кинотеатром "Хроника" две недели шел торг. Старшеклассники продавали уже не нужные им учебники — "Родную речь" с неизменной "Рожью" Шишкина на обложке, "Физику" Перышкина, бессмертную "Геометрию" Киселева, брошюры логарифмических таблиц Брадаса. Некоторые книжки, замурзанные, с вырванными страницами, явно смели не одного хозяина. И все же покупка любой из этих книг была в радость. Все учебники есть!

Елка! К ней готовились загодя. После войны стеклянных игрушек было мало, были они дорогими, поэтому украшения часто приходилось делать самим. Вечерами семьей усаживались за стол при керосиновой лампе, из цветной бумаги вырезались ажурные фонарики и корзиночки, вместо стеклянных гирлянд клеились длинные цепи из колец цветной бумаги. За неимением сусального золота орехи заворачивались в фольгу и подвешивались на елку. И конфеты, и яблоки с елки казались еще вкуснее. Так что, надкусанные Павлом Бачеем пряники на елке имели свое продолжение...

И елочные цветные свечки, которые крепились на ветках специальными прищепками. Как пожаров не боялись!!!

Мне кажется, что такого количества мальчишек со скрипочками, девочек с нотными папками, как в послевоенные годы, больше на одесских улицах не было. Над черными нотными папками как будто витало, несло в воздухе — Майкапар! Сразу же после войны мои старшие сестры Лена и Тая бегали на галерку в оперный, не пропускали ни одного спектакля. Мне в утешение приносили программки на серой невзрачной бумаге. Я внимательно читала все — названия, либретто, фамилии — Чайковский, Верди, Пуччини... Почему же в памяти остался Майкапар? Наверное, от многих своих сверстниц, занимавшихся музыкой, слышала эту фамилию. Но главное — она казалась необычной, словно пришедшей из сказки.

И еще. Очевидно, сразу после войны мамы стремились, может, подсознательно, вытаскивать детей из страхов войны, вытеснить музыку из детской памяти разрывы снарядов, свист пуль, стук колес теплушек, эшелонов...

Многое осталось в прошлом. Я не тоскую по керосиновым лампам, по хлебным карточкам, по пионерским галстукам, по бесконечным очередям...

Но томительное ожидание желанного дня рождения (загибает пальцы на руке — сколько еще месяцев, недель, дней осталось ждать?!), сладостное предвкушение праздников, время, когда фраза "я уже ничему не удивляюсь!" была еще совершенно незнакома, это счастливое время, — оно-то куда делось?!